

Л.Л. Касаткина. Фонетика современного русского литературного языка. М · Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

О русской фонетике для студентов писали многие ученые. Только во второй половине XX века это были А.А. Реформатский, Р. И Аванесов, М.В. Панов и др. Учебное пособие по фонетике современного русского литера-

турного языка Л.Л. Касаткина тоже написано не только для преподавателей, но и для студентов. Уровень доступности изложения, на наш взгляд, значительно выше, чем у других аналогичных пособий, издававшихся в послед-

ние годы Автор сохранил ясность и стройность изложения, которые были присущи и предыдущим его учебникам по фонетике.

Разделы пособия традиционны. "Фонетика", "Орфоэпия", "Теория письма" – и соответствуют программе филологических факультетов университетов. Понятно, что наиболее обширная часть посвящена фонетике. Здесь выделяются такие разделы: "Предмет фонетики", "Звуки русского языка", "Слог", "Ударение", "Интонация", "Фонология", "Фонетические чередования звуков русского языка", "Фонологическая система русского литературного языка".

Наряду с артикуляционной и акустической фонетикой, Касаткин в качестве особого направления выделяет перцептивную фонетику.

В учебниках по фонетике не принято обращать внимание на фонетическую транскрипцию, по умолчанию предполагается, что эта задача – сугубо техническая, которую в каждом вузе решают самостоятельно в соответствии со сложившимися традициями. Л.Л. Касаткин особо останавливается на фонетической транскрипции, которую он использует в пособии. В его транскрипции не используются буквы *ъ* и *ь*. Автор указывает на то, что «буква *ъ* не соответствует в этом случае (в транскрипции. – А С) ее значению в современной русской графике "разделительного знака"». (с. 27) Вместо *ъ* для обозначения звука среднего ряда, среднего подъема предлагается использовать знак международной фонетической транскрипции [ə] – 'шва'. Этот знак, напомним, предпочитал использовать и А.А. Реформатский. Тем не менее отказ от "родного" [ъ] вряд ли является обоснованным. Знаки транскрипции по своей функции вовсе не должны соотноситься с соответствующими функциями букв. Сам факт присутствия *ъ* в транскрипции напоминает студентам, что орфография и транскрипция – вещи разные, что в транскрипции функции букв иные, чем в орфографии. Правда, и Касаткину не удалось целиком изгнать *ъ* из своего пособия. Так, на странице 52 в схеме слоговой структуры слово *попрыгунья* затранскрибировано как [пъпрыгун'джъ].

Больше оснований для изгнания из транскрипции знака *ь* Действительно, с помощью этого знака лингвисты обозначали зачастую разные звуки. М.В. Панов предлагал [ъ] заменить последовательно на [и]. Тогда транскрипция слова *берега* выглядит так: [б'иp'ига]. Л.Л. Касаткин предлагает уточнить характер звука в безударном положении и предлагает такую транскрипцию, как [б'и²p'и²га]. «Этот звук называют "[и] открытым", в более точной транскрипции это [и²

(или [и]), т.е. '[и], склонный к [э]» (с. 36). С подобным решением хочется поспорить. Любая, даже самая точная транскрипция не может избежать упрощений. Эти упрощения во всей системе должны быть пропорциональны. Иначе говоря, если в каком-то случае вы отказываетесь от передачи в транскрипции одних незначительных оттенков произношения, то в пределах той же системы транскрипции не следует передавать другие оттенки, столь же незначительные. Думается, что различия между безударными гласными в первой и во второй позициях в слове *берега* не менее значимо, чем различие между ударным [и] и [и] в первом предударном слоге. Поэтому, на взгляд рецензента, лучше во всех случаях оставить знак [и] или вернуть в транскрипцию "изгнанный" [ъ]. Еще один аргумент в пользу предлагаемого решения: студентов учат противопоставлять такие понятия, как *иканье* и *эканье*. При общераспространенном подходе "иканье – это произношение на *и* в первом предударном слоге", в предлагаемом варианте в этом случае необходимы оговорки, которые и делаются в пособии: "В современном русском литературном языке господствует *иканье*, т.е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем, кроме /y/, в звуке [и], точнее [и²]. " (с. 170) Конечно, ударное и безударные [и] – это разные звуки, но в транскрипции они различаются уже тем, что над одним из них стоит знак ударения, а над другим отсутствует. Не так давно появилась новая аббревиатура – ЕГЭ (единый государственный экзамен). Как правило, произносят ее с чистейшим [и] в первом слоге – [игэ], склонность [и] к [э] в произношении отсутствует.

Звук на месте фонем /a/ и /o/ в первом предударном слоге Л.Л. Касаткин предлагает передавать с помощью знака [a²]: [ва²дá]. Специально оговаривается, что этот звук отличается от того, который обозначается знаком международного фонетического алфавита, а именно от звука [ʌ]. Звук [a²] – среднего ряда, средне-нижнего подъема, тогда как [ʌ] – средне-заднего ряда того же подъема. Кажется, что и в этом случае дополнительная диакритика вряд ли целесообразна, тем более что в ряде случаев в пособии даются транскрипции без предлагаемой диакритики: [даjʊ] (с. 28), [ва²дá] (с. 211). Сам Касаткин замечает, что "обычно не отмечается в транскрипции и различие между ударным и безударным [y]. . в действительности при произношении безударного [y] язык не доходит до крайнего верхнего положения, место такого гласного в верхне-среднем ряду. Более точная транскрипция его [y⁰]. " (с. 39). Вероятно, следовало бы

оговорить, что все безударные гласные менее "выразительны", чем ударные, поэтому они стремятся от краев таблицы гласных к центру: [и] становится ближе к [э], [а] – ближе к [э], а [у] – к [о]. Тогда это будут те же [и], [а] и [у], но функционирующие в безударной позиции.

К сожалению, в пособии не приведено примеров транскрипции связного текста. Сам факт транскрипции связного текста крупным ученым представляет научную и эстетическую ценность. Мы имеем транскрипцию от И.А. Бодуэна де Куртенэ, от Р. Кошутича, от Н.Н. Дурново – Д.Н. Ушакова, от Р.И. Аванесова – В.Н. Сидорова, просто от Р.И. Аванесова, хорошо бы иметь транскрипцию и от Л.Л. Касаткина.

Интонация – это раздел, который студенты (да и преподаватели) понимают хуже всего. Л.Л. Касаткиным выделяются такие суперсегментные единицы, как фраза, фонетическая синтагма, фонетическое слово, слог. Интонация способствует членению на фонетические синтагмы и фразы. Особый раздел посвящен теории интонации в изложении Е.А. Брызгуновой. Очевидно, что интонационные конструкции (ИК) описывают именно фонетические синтагмы (в другой терминологии – фонетические такты). За пределами рассмотрения остаются интонационные средства фразы как таковой, хотя утверждается, что она объединена особой интонацией и фразовым ударением. Фонетическая природа и того, и другого остается неописанной. Принимая несовершенство многих подходов в отношении интонации, автор признает, что целый ряд вопросов интоналогии еще не решен, это дело будущего. С этим следует согласиться.

Л.Л. Касаткин – представитель Московской фонологической школы (МФШ). Эта школа, лишенная догматизма, в XX в. предложила такое количество разных подходов к проблемам фонологии, что от фонолога уровня Л.Л. Касаткина ждешь новые подходы и неожиданные решения. Пособие Л.Л. Касаткина не обманывает этих ожиданий читателя. Одним из первых в учебной литературе Л.Л. Касаткин стал различать звук речи, как индивидуально употребленное, звук языка, как типизированный звуковой тип, и фонему, как минимальную единицу языка.

Проблема соотношения звука и фонемы в литературе решается по-разному. Отдавая приоритет фонеме, автор совершенно справедливо пишет: "Без знания языка, его фонемного состава, невозможно разделить звуковой поток на отрезки, соответствующие звукам" (с. 92). Думается, что эта мысль должна быть едва ли не центральной при из-

ложении соотношения звука и фонемы. Примечательно, что в пособии читатель не найдет как такового определения звука. Самое полное из обнаруженных нами звучит так: "Звук – наименьшая сегментная единица" (с. 30). Более полное и содержательное определение звука без соотнесения его с фонемой вряд ли возможно. Если перефразировать раннего И.А. Бодуэна де Куртенэ применительно к началу XXI века, то можно сказать, что звук – это физический эквивалент фонемы, и без соотнесения с фонемой он не может быть вычленен из звуковой цепи.

Для описания фонологических единиц русского языка Л.Л. Касаткин использует следующие понятия: доминанта, вариация, вариант, аллофон, архифонема, гиперфонема, морфонема и суперфонема. Доминанта – это основной вид фонемы. Общепринятого термина для обозначения этого понятия пока нет.

Обычно архифонема и гиперфонема воспринимается как терминологические варианты для обозначения одного и того же понятия, но первый термин принят в Пражской фонологической школе, а второй – в Московской. Л.Л. Касаткин использует оба понятия, давая каждому свое собственное наполнение. Архифонема – "языковая единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков, составляющая общую часть нейтрализованных фонем" (с. 107). "В отличие от фонемы и архифонемы, которые являются единицами фонетического яруса языка, гиперфонема – это единица, характеризующая фонемный состав отдельных морфем" (с. 115). Иначе говоря, в слове *козьба* имеется архифонема /с'-з'/, но нет гиперфонемы /с'лз'/, так как фонемный состав слова /коз'ба/. В слове *здесь* имеются и архифонемы (в начале слова архифонема /с-з-с'-з'/, в конце слова – /с'-з'/) и гиперфонемы /clɜc'ɪz'd'ɛc'ɪz'/. В фонемной транскрипции, стало быть, необходимо отображать гиперфонему, так как именно она характеризует фонемный состав отдельных морфем, но иногда требуется обозначить и архифонему, тогда одна система обозначений может быть наложена на другую. Слово *здесь* может быть обозначено следующим образом: /Clɜc'ɪz'd'ɛc'ɪz'/, а слово *козьба* так – /коЗ'ба/. Таким образом, от студента можно будет добиваться последовательного различения архифонем и гиперфонем.

Учебное пособие названо "Фонетика современного русского литературного (курсив наш. – А.С.) языка". Л.Л. Касаткин известен прежде всего как диалектолог, поэтому читатель, открывающий пособие, находится в ожидании того, когда же автор не выдержит и выйдет за пределы фонетики именно литера-

турного языка. Ожидание не обманывается: при обсуждении проблем слогоделения появляется ссылка на русские говоры (с. 64), такие же ссылки возникают при описании позиционных чередований (с. 94). Такие отступления надо всячески приветствовать, так как студенты должны хорошо понимать, что фонетическая система русского литературного языка является только одной из возможных реализаций русского языка.

Автор рецензируемой книги вводит в свое описание понятие оппозиции, которое исторически сформировалось в рамках другой фонологической школы – Пражской. Наверное, первым, кто "примерил" учение об оппозициях к теории МФШ, был А.А. Реформатский: во "Введении в языкознание" 1960 года издания у него появляется фрагмент, посвященный классификации видов оппозиций. Он различает некоррелятивные (типа /а/ – /п/) и коррелятивные оппозиции. Среди коррелятивных выделяются "замкнутые" (типа /т/ – /д/) и "незамкнутые", включающие в себя "ступенчатые" (/у/ – /ю/ – /ю/ в норвежском) и "неступенчатые": "цепочки" (/п/ – /т/ – /к/) и "пучки" (/т/ – /ц/ – /с/) [Реформатский 1960: 181, 182]. М.В. Панов в работах, предназначенных для студентов, не рассматривал теорию оппозиций. Иногда он использовал ее при анализе конкретных языковых фактов. При изложении теории оппозиций Л.Л. Касаткин в основном следует Н.С. Трубецкому, различая одномерные и многомерные, пропорциональные и непропорциональные оппозиции. По равноправности или неравноправности фонем различаются привативные и эквивалентные оппозиции. Несколько удивляет отсутствие градуальных оппозиций. Фонологи их явно не любят, так как градуальные оппозиции разрушают стройность многих решений. Стремлением избавиться от градуальных оппозиций во многом порождена и дихотомическая классификация Р.О. Якобсона, М. Халле и Г.М. Фанта. Сам Н.С. Трубецкой высказывался об этом типе оппозиций весьма скептически: "Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные" [Трубецкой 1960: 83]. Думается, что изыятие градуальных оппозиций обедняет наше представление о фонологических отношениях. Так, по нашим предположениям, русский вокализм построен на противопоставлении двух градуальных оппозиций: по подъему (нижний, средний, верхний) и по степени лабиализации (нелабиализованный, слабо лабиализованный и сильно лабиализованный), при таком подходе решается проблема позиционного поведения русского безударного вокализма.

В любом новом учебном пособии по фонетике с особым трепетом читаешь раздел ор-

фоэпии. В каждом из нас сидит школьник, воспитанный на системе запретов, в том числе и орфоэпических. Поэтому с интересом читаешь о том, что уже разрешено, а что еще находится под запретом. Л.Л. Касаткин по своим основным научным интересам – диалектолог, а диалектология – противница всякой регламентации. Именно поэтому в его орфоэпии нет "запретных" разделов: обсуждает старшая и младшая норма, но нет "неправильной нормы" (оксюморон. – А.С.). Нигде не сказано, что так-то и так-то говорить запрещено. Такую позицию ученого Л.Л. Касаткина надо приветствовать, а педагогу Л.Л. Касаткину пожелать, чтобы раздел о наиболее частых отклонениях от орфоэпической нормы все-таки появился в следующем издании пособия. Можно надеяться, что он будет написан с присущим Л.Л. Касаткину педагогическим тактом.

Явный "орфоэпический" прорыв можно отметить при рассмотрении реализации звука на месте *e* в первом предударном слоге после твердых согласных и в начале слова. Л.Л. Касаткин считает, что произносят [и^э]волюция, [и^э]кзáмен, ат[ы^э]лье, бут[ы^э]рбрóд (с. 184), и признает такое произношение вполне нормативным. Р.И. Аванесов настаивал на произношении ат[э^а]лье, [э]кзáмен и т.п., произношение, допускаемое Л.Л. Касаткиным, он считал неправильным и специально оговаривал это [Аванесов 1984: 221, 222]. Как бы ни нравился иногда [и^э]кзáмен, нам следует признать его как свершившийся орфоэпический факт. Сегодня в литературной речи противопоставляется не только "экающая" и "икающая" нормы, но и "экающая" и "ыкающая". Эта норма касается произношения после твердых согласных: одни не различают /и/ и /э/ в первой позиции после твердых согласных и говорят бут[ы^э]рбрóд и бут[ы^э]лье, другие склонны противопоставлять эти позиции и говорить бут[э]рбрóд и буг[ы]лье. Кажется, что фонетическая реальность находится между этими типами произношения: нейтрализация /и/ и /э/ в этой позиции еще окончательно не завершена, но противопоставление уже в явном виде не присутствует в речи большинства говорящих: мы еще хотим сказать бут[э]рбрóд, но уже все чаще произносим бут[ы^э]рбрóд. Эти два типа произношения оказались фонологически не зафиксированы. Р.И. Аванесов в своих орфоэпических рекомендациях предлагал противопоставлять в этой позиции /и/ и /э/, однако в его фонологической системе /э/ в данной позиции вообще отсутствовало. Сказался "историзм" Р. И. Аванесова: иноязычные слова, даже такие усвоенные, как *бутерброд*, не рассматривались среди

слов русского языка. Иначе поступает Л.Л. Касаткин: в своих фонологических решениях он не упоминает аванесовский тип произношения и остается только с *бут*[ы']*рбрбдом*. Думается, что обе фонологические системы безударного вокализма должны получить отражение в описании как сосуществующие в литературном языке.

В разделе "Орфоэпия" автор описывает и фонетику РЯ (разговорного языка). При таком решении весь раздел лучше было назвать "Орфоэпия и социофонетика", так как РЯ и литературная норма – это две вещи несовместимые. РЯ не принадлежит орфоэпии, он только и существует благодаря тому, что умело маскируется от нормализаторского ока, в том числе и от орфоэпистов. "Разговорность" может иметь разную глубину. Так, и произношение [здрáс'т'ь] и произношение [з'áс'т'] оцениваются как разговорные, но второе, конечно, более "разговорно". Также и с другими фонетическими приметами РЯ: одни из них, как говорится, "стучатся" в нейтральный стиль, другие находятся на периферии языкового сознания, в том числе и лингвистического. Произношение [э] на месте /и/ в таких случаях, как б[э]т*овой*, р[э]сáк*и* и др. – это уже преддверие нейтрального стиля произношения. С другой стороны, появление [и] на месте [э] в словах типа *одели* – од[и]л*и*, *серия* – с[и]р*и*я и др. представляет собой типичную глубинную разговорность. Действительно, если студент транскрибирует слово *бытовой* как б[э]т*овбй*, преподаватель, как правило, поморщится, но не сочтет это за ошибку. Появление транскрипции *од[и]ли* вместо *од[э]ли* однозначно будет оценено как ошибочное (конечно, если перед студентом не поставлена задача передать именно разговорное произношение). Поэтому те приметы "разговорности", которые приведены на страницах 166–170, хорошо бы было ранжировать по степени удаленности от нейтрального стиля произношения.

Большое внимание в пособии уделено ударению в различных частях речи. Традиционно этот материал не включался в фонетические описания. Академические грамматики рассматривают его в разделе морфологии, однако в реальном преподавании до него, как правило, не доходят и в процессе преподавания морфологии. Автор рецензии впервые столкнулся с акцентологическими проблемами в русских частях речи только тогда, когда ему пришлось обучать иностранных студентов русскому языку. Поэтому если в учебном процессе на этот раздел пока никто не претендует, то пусть он будет рассмотрен в фонетике.

Л.Л. Касаткин – решительный сторонник реформы орфографии в том виде, в каком она началась в 1964 году. Он очень подробно и сочувственно говорит о тех правилах, которыми пишущие на русском языке могли бы пользоваться в течение 40 лет, но увы, общество пока не готово к изменениям в области орфографии.

Учебное пособие Л.Л. Касаткина охватывает все разделы программы по фонетике и, на наш взгляд, имеет право называться не пособием, а учебником, чем оно реально и является. Сегодня мы живем в эпоху, когда студенты России изучают фонетику в основном "по Касаткину". То, что фонетика Касаткина издана под грифом МГУ, является лучшим томо доказательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1984 – Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1984.
Реформатский 1960 – А.А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960.
Трубецкой 1960 – Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.